

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *А. Саукова*

Метлицкая, Мария.

М54 Женский день / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-004240-1

Когда тебе плохо, знай — так будет не всегда. Но и когда ты уверен, что счастлив, помни — так тоже будет не всегда. Увы, мы часто забываем и о том, и о другом. Но судьба не упускает момента вовремя найти утешение или, наоборот, щелкнуть по носу. И именно об этом новый роман Марии Метлицкой.

В канун Женского дня три успешные женщины — актриса, врач и писательница — пришли в студию популярного ток-шоу. Все три не сомневались, что от них ждут рассказа об истории успеха, о том, «как они сами себя сделали». Каждая из них не раз давала такое интервью, и со временем правда и вымысел перепутались настолько, что героини и сами порой не могли отличить одно от другого.

Но все пошло совсем по другому сценарию. Женский день стал очередным испытанием — на прочность, порядочность, на умение любить и прощать. И очередным напоминанием — ни очень плохо, ни очень хорошо не бывает всегда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-004240-1

Поиски сходства с реальными персонажами
абсолютно абсурдны.

Все герои придуманы автором.

Прототипов нет!

А остальное — фантазии читателя.

Автор

— Не выспались? — услужливо спросила гри-
мерша и мазнула Женю кисточкой по
подбородку.

Женя вздрогнула и открыла глаза.

— Да, как-то не очень, — грустно согласилась
она.

— Со сном или — вообще? — усмехнулась лю-
бопытная гримерша.

Женя тоже усмехнулась.

— Зачем же «вообще»? «Вообще» все отлично!

«Не дождетесь, — подумала она, — фигу с мас-
лом! Знаем мы таких. Сочувствующих. Мы вам
душу, а вы нам — сплетню. Понесете потом по ко-
ридорам Останкино — у Ипполитовой все плохо.
Бледная, грустная, короче — никакая. Не иначе
в семье проблемы. Ага, счаз!»

Гримерша была немолода, видимо, опытна в де-
лах сердечных и явно приучена к задушевным бе-
седам.

— Глазки? — полушепотом, интимно спроси-
ла она. — Глазки будем УКРУПНЯТЬ?

Жене стало смешно — укрупнять глазки! Неза-
метно вздохнула — раньше ничего *укрупнять* было

не нужно. Глазки были ничего себе. Губки тоже вполне, вполне. Носик тоже не подводил. Волосики средние, но не из последних... да. А ведь права настырная — глазки теперь в укрупнении явно нуждались. И ротик можно было бы освежить. Да и все остальное... освежить, оттюнинговать, укрупнить. Все, кроме задницы и некоторых частей спины.

Гримерша старалась — высунув кончик языка, припудривала, подрисовывала, уменьшала и укрупняла.

Наконец она выпрямила спину, отступила на полшага назад, посмотрела на Женю и сказала:

— Ну, вот. И слава богу! Свежа, молода, хороша. Короче, к эфиру готова. Ну, а в перерывах поправим, промокнем и подсушим — ну, все как обычно!

Женя встала из гримерного кресла, улыбнулась, довольная результатом.

— Спасибо! Спасибо огромное. Вы и вправду большой профи.

Гримерша махнула рукой

— Столько лет, о чем вы! Десять лет в Малом, семь в Таганке. И здесь уже, — она задумалась, вспоминая, — да, здесь уже скоро двенадцать. Мартышка бы научилась.

В дверь заглянула молодая кудрявая девица.

— Тамар Иванн! Ольшанская прибыла.

Тамара Ивановна всплеснула руками.

— Хосподи! Ну, счас начнется!

Женя присела на двухместный диванчик и взяла в руки старый и потрепанный журнал, предна-

значенный, видимо, для развлечения ожидающих гостей.

Гримерша начала — излишне поспешно — прибираться на гримерном столике.

Дверь распахнулась, и ворвался вихрь. Вихрь, сметающий все на своем пути. Позади Вихря бежали две девицы, одна из которых была та, кудрявая. Они что-то бессвязно лепетали и были очень взволнованны.

Вихрь скинул с себя ярко-красный кожаный плащ и тяжело плюхнулся в кресло.

Ольшанская была хороша. Женя видела ее только по телевизору и сейчас, позабыв о приличиях, жадно разглядывала ее.

Рыжие, коротко остриженные, под мальчика, волосы. Очень белая кожа, свойственная только рыжим людям, светлые конопушки на прелестном, красиво вздернутом носике. Очень крупный и очень яркий, совсем без помады, живой и подвижный рот. И глаза — огромные, темно-синие, такого редкого цвета, который почти не встречается в усталой природе.

«Классная!» — с восторгом подумала Женя, всегда с удовольствием подмечающая женскую красоту.

Ольшанская обвела взглядом гримерку и уставилась на пожилую гримершу.

— Ну, слава богу, ты, Том! — с облегчением выдохнула она. — Теперь я спокойна. А то... Эти, — она скривила рот и кивнула головой на девчонок, жавшихся у стены, — эти! Эти, блин, напорчат.

Девушки вздрогнули и еще глубже впечатались в стену.

Григорьевна Тамара Ивановна раздвинула губы в сладчайшую улыбку, развела для объятий руки и пошла на Ольшанскую.

Но подошла к креслу и застыла — Ольшанская кидаться в объятия не собиралась.

— Может, кофе? — просипела кудрявая.

— Ага, как же! — скривилась Ольшанская. — Налъешь мне сейчас вонючей растворимой бурды из кулера и назовешь это кофе!

— Я сварю! — всполошилась Тамара Ивановна. — Сварю в турочке, с утра смолотый! С пенкой и с солью, да, Алечка?

Ольшанская с минуту, словно раздумывая, смотрела на Григорьевну, а потом вяло кивнула.

— А, валяй! — разрешила она. И жалобно добавила: — Башка с утра рвется. Прямо сил никаких!

Женя снова уткнулась в журнал — разглядывать звезду ей совсем расхотелось.

«Вот так, — подумала она, — звезда, красавица, успешнее некуда. И такая... Хотя какая? Ну, повыпендривалась малость, с кем не бывает! Звезда ведь, не фунт изюма». Но все равно. Стало как-то неуютно что ли... Не то чтобы она этой Ольшанской испугалась — да нет, глупости, конечно. Просто подумала: всех «забьет» эта цаца. Будет «звездить» и упиваться — собой, любимой. А мы... Мы останемся на задворках, понятно. Под лавкой. Актриса — всех переиграет, ясное дело.

Ну и ладно. Подумаешь!

Но тут же слегка пожалела... Что подписалась на все ЭТО. Зря. Не надо было.

Как чувствовала — не надо.

Она незаметно вышла за дверь — наблюдать за капризной звездой удовольствия мало.

Стала прохаживаться по коридору. В Останкино она бывала и раньше — на записях ток-шоу. Приглашали ее часто, а вот соглашалась она крайне редко. Жалко было и времени, и сил. Да и интереса особого не было — если только в самом начале.

По коридору навстречу ей стремительно, мелкими шагами шла невысокая и очень ладненькая женщина. Она разглядывала указатели на дверях — чуть близоруко прищурившись. За ней бежал тот, кого называли гостевой редактор.

Стрекалова — узнала ее Женя. Вероника Юрьевна Стрекалова. Врач-гинеколог. Очень известный врач. Директор института — не только директор, но и практически создатель. Профессор, член всяческих международных ассоциаций. Умница, в общем. Женщина, подарившая десяткам отчаявшихся женщин счастье материнства. Жене попались интервью Стрекаловой, и она всегда подмечала, что эта хрупкая и скромная женщина ей очень нравится.

Молодой парень, тот самый встречающий редактор, с кем-то остановился и начал болтать. Стрекалова растерянно оглянулась, ища его глазами, подумала с минуту, вздохнула, остановилась у нужной двери и робко постучалась.

Из-за двери вынырнула кудрявая и, увидев профессоршу, обрадовалась ей, словно родной матери.

— Простите, — залепетала Стрекалова, — за опоздание. Такие пробки! Какой-то кошмар. Я ведь из самого центра, — продолжала оправдываться она.

Кудрявая втянула ее в комнату — практически за рукав.

Женя усмехнулась: ну, эта — овца почище меня! Ликуй, Ольшанская! На сегодня конкурентов у тебя точно нет. И передачу можно смело переименовывать — не «Три соплеменницы, которыми мы восхищаемся», а бенефис Александры Ольшанской.

Женя вздохнула и глянула на часы — в запасе было еще минут двадцать. Можно смело спуститься на первый этаж в кафешку и выпить кофе. За свои, за кровные. Не даваясь бесплатной, растворимой бурдой и не выклянчивая «заваренный в турочке».

Впрочем, она не выклянчивала. А предлагать ей никто и не думал — невелика птица. Уж точно — не Ольшанская. Не тот калибр!

Писательница. Автор женских романов. Подумаешь! Сколько их развелось! Перебьется без кофе.

Кофе в кафе был отличный — настоящий капучино, правильно сваренный, с высокой пенкой и коричневым сердечком. Женя откинулась на спинку стула и обвела взглядом зал. Знакомые, сплошь

медийные лица — ведущие новостей, ток-шоу, актеры, режиссеры.

Из-за столика наискосок ей помахала рукой женщина в красном платье. Женья узнала Марину Тобольчину, ведущую программы, на которую ей, Жене, следовало идти через пятнадцать минут.

Тобольчина была личностью тоже известной. Все смотрели ее программы уже лет пять или шесть. И никогда не было скучно. Тобольчина делала программы про женщин. Раз в два года она лишь слегка меняла формат — вероятно, чтобы не наскучить зрителю. И следовало признать, это ей прекрасно удавалось.

Кто-то считал программы Тобольчиной конъюнктурными, кто-то — похожими друг на друга. Кто-то упрекал ее в жесткости, кто-то в отсутствии искренности.

Но! Смотрели многие. Передачи были нескучные, динамичные. И вопросы Тобольчина задавала не заезженные, не примитивные. И еще — ей отлично удавалось выбить из собеседницы слезу, вытянуть что-то глубоко спрятанное, почти секретное. Профессионал, что говорить. Голос ее журчал мягко, ненавязчиво, словно ручей. Убаюкивал, успокаивал, расслаблял. И тут — оп! Острый вопросец. И собеседница терялась, вздрагивала, чуть не подскакивала в кресле. А деваться — некуда! Тобольчина готовилась к программам тщательно. Выискивая скелеты в шкафу — ничего вроде особенного... А в глаз, а не в бровь!

Женя читала в Сети, что была пара случаев, когда оппоненты Тобольчиной требовали стереть запись и в эфир не пускать. Фигушки! Тобольчина за каждую запись билась как тигрица. Было даже одно судебное дело, но Тобольчина его выиграла.

И сутяжницу наказали рублем и общественным порицанием. И даже высмеивали в СМИ.

Вообще-то, получить приглашение от Тобольчиной считалось круто, очень круто. Конечно, она была признанной акулой пера — если так можно сказать о телевизионщице.

Тобольчина посмотрела на часы, бодро встала и направилась к Жене. Подошла к ее столику, оборотисто улыбнулась и наклонилась.

— Готовы, Евгения Владимировна? — мягко спросила она.

Женя выдавила улыбку и тоже кивнула.

— Да, Марина. Конечно, готова.

— На гриме были? — осведомилась та.

Женя кивнула.

— Разумеется.

— Тогда — за работу! — Тобольчина еще раз улыбнулась и кивнула: — Пойдемте?

Женя встала, вздохнула и нехотя поплелась следом.

На душе было тревожно.

«Трус! — укорила она себя. — Как была трусихой, так и осталась. Не дрейфь, Ипполитова! Ты ж... давно уже не Женя из шестой школы. Ты Евгения Ипполитова! Звезда российской прозы и лю-

бимица тысяч женщин. И даже мужчин. И тиражи у тебя, матушка!..

Так что вперед, дорогая. Забыли про детские страхи, подростковые фобии и климактерические взбрыки. Вперед и с песнями! Про тяжелую, но почти счастливую женскую долю. Ты ж профессионал в этом, Женечка. Куда там Тобольчиной!»

В студии за белым овальным столом уже сидели Ольшанская и Стрекалова. Сидели молча — Стрекалова уткнулась глазами в блестящую от лака столешницу, а Ольшанская разглядывала свой безупречный французский маникюр.

Марина Тобольчина одарила сидящих голливудской улыбкой и опустила на свое место. Женя села на свободный стул.

Тобольчина просматривала подводки, хмурилась, что-то почеркала карандашом, тяжело вздохнула и подняла глаза.

— Ну, милые дамы, начнем, помолясь?

Ольшанская хмыкнула и посмотрела на часы, Вероника побледнела и осторожно кивнула, а Женя, вздохнув, слабо улыбнулась и беспомощно развела руками.

«Скорее бы все это закончилось, господи! И с чего это я так волнуюсь?»

Тобольчина, словно услышав ее мысли, чеканным голосом промолвила:

— Не волнуемся, не психуем! Не дергаемся. Дышим свободно и полной грудью. Вы все люди